

Научная статья
УДК 82-3
doi: 10.17223/15617793/479/3

«Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции

Елена Германовна Белоусова¹

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belouelena@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роман «Авиатор» Е.Г. Водолазкина в свете набоковской традиции, концепции памяти и творчества В.В. Набокова преимущественно. Выявляются многочисленные аллюзии к набоковским текстам, темы и стилевые принципы Набокова. Раскрываются особенности творческого диалога с набоковской традицией на различных уровнях романной структуры. Делается вывод об использовании набоковского подтекста как способа ментального воздействия на читателя, прояснения авторских представлений о сущности бытия и творчества.

Ключевые слова: творчество Е.Г. Водолазкина, набоковская традиция, концепция творчества, тема памяти, точка зрения, зеркальность, двойничество

Для цитирования: Белоусова Е.Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 33–40. doi: 10.17223/15617793/479/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/3

The Aviator by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition

*Elena G. Belousova*¹

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, belouelena@gmail.com

Abstract. The work considers how Eugene Vodolazkin interacts with the Nabokovian tradition in the novel *The Aviator*. The correlation study is justified by the numerous references to Nabokov's works in *The Aviator* and Vodolazkin's interview, according to which Nabokov is one of his favourite authors. The chosen perspective is fruitful due to the coincidence of the writers' aesthetic views in many aspects. The article analyzes the peculiar ways of memory themes imagining and creating in the novel by Vodolazkin to identify points of convergence and divergence between *The Aviator* and Nabokov's works. Methods of comparative, structural and style analysis are applied. The research reveals a similar understanding of memory nature by Vodolazkin and by Nabokov as a way to recall the past and its axiology when personal impressions and related feelings are of great value. The interrelation of mental and visual processes defines the key functions of memory in the novel: to distinguish the most precious moments of life and, bringing them together, to recreate the continuity of the world and clarify its deep meaning. It causes Vodolazkin to use close-ups, Nabokov-like "multilayer" images-recollections, to choose visual and aesthetic instruments simultaneously. Besides a Nabokov-like shift of the common perception of reality, Vodolazkin uses the convergence of viewpoints of the chronicler as a representative of epic perception and the aviator as a representative of lyric, modernist perception. It allows the author to create a "great canvas" of Russian life, similar to a chronicle corpus, and to reveal the original sense of being: invisible presence of eternity in every experienced moment. Preceded by Nabokov, Vodolazkin considers art as a way to preserve the past and to state the everlasting value of human "Ego". Both writers prefer visual forms of art. Photography and cinematography actualize the timeless sense of being in the novel, the fine arts code manifests the internal, not evident, essence of a featured human being. Vodolazkin's style decisions are Nabokov-like as well. Besides considering the principle of shift and uncovering an image layer-by-layer, the article dwells on the reflection principle – the basic one for Nabokov's poetics. *The Aviator* organizes pairs of reflecting double-gangers who are the characters of Platonov's past and present life, his life in Petersburg and on the Solovki as well as his numerous intertextual double-gangers. The study concludes that Vodolazkin's imaginative dialogue with the Nabokovian tradition is a purposeful strategy implemented on various levels of the novel's structure. Nabokovian implied sense is used as a way of mental influence on the reader to develop the writer's intention and clarify his perception of the sense of being and creating.

Keywords: oeuvre of Eugene Vodolazkin, Nabokovian tradition, concept of creation, memory, viewpoint, reflection, double-gangers

For citation: Belousova, E.G. (2022) *The Aviator* by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 33–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/3

Литературность прозы Е.Г. Водолазкина и романа «Авиатор» неоднократно отмечалась критиками и исследователями: Г.Л. Юзефович [1], Т.Г. Кучиной и Д.Н. Ахапкиной [2], М.В. Бочкиной и М.М. Голубковым [3], Я. Солдаткиной [4], Г.Э. Импости [5]. Особенно выделим в этом ряду М.П. Абашеву [6] и В.В. Абашева [7], которые не просто называют различные претексты «Авиатора», но размышляют о специфической природе его цитатности. «Интертекстуальность Водолазкина особого рода, – замечает М.П. Абашева. – Это не прямая цитатность, он расставляет знаки не иконические, но индексальные – то есть указывает на знакомый читателю опыт, который усиливает суггестивность его собственных текстов» [6. С. 40]. В.В. Абашев определяет характер цитирования Водолазкиным как *суммирующий*: «...фрагмент текста отсылает одновременно ко многим источникам (здесь и далее курсив мой. – Е.Б.), цитируя не какой-то конкретный текст, а скорее топос культуры, сложившийся как результат эманации многих произведений в совокупное представление о стиле, эпохе, образе исторического лица и т.п.» [7. С. 321].

В качестве опорных текстов «суммирующего цитирования» в «Авиаторе» чаще всего и совершенно справедливо называют тексты Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, А.П. Платонова, И.А. Бунина, В.В. Набокова [4–8]. Не умаляя значимости остальных авторов, заметим, что фигура Набокова заслуживает отдельного внимания, и тому есть несколько причин.

Во-первых, несмотря на общепризнанность набоковского подтекста в «Авиаторе», проблеме творческого диалога Е.Г. Водолазкина и В.В. Набокова на сегодняшний день посвящена только одна статья Е.Г. Трубецковой «Борьба с амнезией: набоковские “знаки и символы” в романе Е. Водолазкина “Авиатор”» [8]. При несомненной ценности наблюдений автора за интертекстуальными связями романа Водолазкина с прозой Набокова, которые рассматриваются как на содержательном (темы памяти и воскрешения), так и формальном (синтез времен) уровне, означенной проблемы она не исчерпывает, скорее, задает направление для дальнейшего и скрупулезного исследования.

Во-вторых, в своих интервью Е.Г. Водолазкин неоднократно обращается к В.В. Набокову, который предстает не только одним из любимых, но и «эталонных» авторов. Водолазкин не скрывает ни своего восхищения «великим стилистом»¹, ни набоковского влияния на собственное творчество и роман «Авиатор» в частности: «Без опыта Пруста, без опыта Набокова то, что я делаю, я делать не смог бы» [10]. А профессиональный разбор писательской стратегии Набокова Водолазкиным-филологом существенно проясняет эстетическую позицию самого автора.

Суждения Е.Г. Водолазкина о литературе и роли художника явно перекликаются с набоковскими или разворачиваются как своеобразная полемика с мэтром. Их суть можно свести к следующему.

1. *Художник – ясновидец, способный узреть невыразимое и выразить невыразимое.* Способность набоковского искусства проявлять истину высшего порядка,

скрывающуюся за внешним обликом вещей и явлений, акцентируют такие известные исследователи, как В.Е. Александров [11], Б.В. Аверин [12], С. Давыдов [13]. В этом плане размышления Водолазкина о сути творчества вполне естественно начинаются с Набокова и разворачиваются в русле классической интерпретации его текстов². «Набоков написал: “раковинный гул вечного небытия”. До чего мощно! То, что было невыразимо, он выразил – и мы теперь можем это обдумывать. Я бы сказал, что задача литературы – выражать невыразимое» [15].

2. *Отличительное свойство подлинной литературы и произведения искусства – метафизичность*³. Оно понимается Водолазкиным как «умение приподняться над повседневным языком, повседневной действительностью и увидеть что-то за горизонтом» [15]. Именно это превращает литературу в подлинное свидетельство о мире.

И вновь, уточняя свою позицию, Водолазкин обращается к творчеству Набокова прямо: «Набоковское волшебство – это волшебство называния. В сущности, одна из основных задач литературы – называть неназванное» [9]. Или опосредованно: «Я полагаю, что задача моя, как писателя <...> *описывать неописанное. Светить своим фонариком, вырывая из тьмы невыраженности* новые фрагменты бытия. Мы чувствуем многие вещи, но они не названы, и потому – не могут быть предметом осмысления. <...> Писатель должен описывать, а не проповедовать» [17]. Многочисленные аллюзии, отсылающие к литературно-критическим текстам Набокова и научным трудам о нем, помогают Водолазкину «суммарно» воссоздать образ гениального писателя, наделенного даром «сверхчувственного ясновидения», волшебника, дающего «чудотворный толчок» к оживлению своего создания.

Однако в отличие от Набокова, сотворенная реальность для Водолазкина не важнее действительной, а потому в плане выбора собственной писательской стратегии гораздо ближе ему оказывается Бунин: «Набоков восхищает, а Бунин – простите за невольную рифму – насыщает. Набоков – пирожное, Бунин – хлеб». И чуть позже: «Его (Бунина. – Е.Б.) произведения – не отвлеченная конструкция <...> это действительность во всех ее проявлениях» [14].

В этой связи может показаться, что у Водолазкина особое, отличное от набоковского отношение к стилю. Напомним, истинное назначение литературы для Набокова состоит не в идеях, а в «магии стиля» [17. С. 141]. Водолазкин же категорически заявляет, что «литература несводима к стилю и к умению составлять слова. Главное – передать ту небесную идею, эйдос, которые должны быть у всякой вещи на земле» [15].

Однако на самом деле никакой полемики с мэтром здесь нет. Есть неприятие «стилистического щегольства» и «самодавлеющей стилизации», как справедливо определяет Е. Ермолин один из вариантов «сокращенного в задачах диалога с набоковской традицией» современной русской прозы [18]. Неслучайно из современных ему авторов Е. Водолазкин явно выделяет

М. Шишкина: обладая «хорошим стилем», он пишет «очень глубокие вещи» [19].

Да и Набоков видел в стиле гораздо больше, чем набор технических средств и приемов. Хороший стиль не затемняет смысл произведения, а проявляет его, что подтверждают набоковские лекции по литературе, где дается блистательный разбор произведений классиков мировой литературы. Например: «Действенность стиля – это ключ к литературе, магический ключ к Диккенсу, Гоголю, Флоберу, Толстому, ко всем великим мастерам. *Форма (структура и стиль) = содержание; почему и как = что*» [20. С. 170].

Таким образом, во многом переключаясь с набоковскими, эстетические взгляды Е.Г. Водолазкина далеко не во всем с ними не совпадают, что находит отражение в романе «Авиатор». Он выстраивается в активном диалоге автора с набоковской традицией, что предполагает не только следование образцу, но также оттачивание и переосмысление художественного опыта предшественника. И проявляется этот диалог на различных уровнях текста.

Отсюда цель статьи – выявление точек соприкосновения и расхождения романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор» с творческим наследием В.В. Набокова.

Одной из главных в «Авиаторе» является тема памяти. Именно она направляет развитие сюжетной линии романа от физического воскрешения (разморозки) бывшего узника Соловецкого лагеря Иннокентия Петровича Платонова в постсоветской России в 1999 г. к воскрешению его прошлой жизни. А это значит, что тема памяти осмысливается Е.Г. Водолазкиным в русле автобиографической прозы XX в. (текстов И.А. Бунина, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина и В.В. Набокова в том числе), где память выступает способом воссоздания прошлого. Причем «воссоздать» в данном случае равносильно «пережить заново» [12. С. 32].

Эту невероятно сложную задачу Водолазкин решает комплексно. Для воскрешения прошлого прежде всего необходимо *разглядеть и выделить* в хаотическом нагромождении фактов *наиболее ценные моменты*. В свете «особой аксиологии памяти» (термин В.В. Абашева), декларируемой Водолазкиным вслед за Набоковым, Буниным, Осоргиным, непреходящей ценностью обладают «события сердца» – впечатления и связанные с ними ощущения. Отсюда – повышенное внимание Водолазкина к крупным планам, подчеркивающим значимость для «Авиатора», как и набоковских текстов, визуального начала. Например: «Что осталось – теплый сентябрьский день, шагнувший в мою комнату сквозь открытое окно. Открытое окно осенью – такая редкость. Трепет пальмы на резной (розы да лилии) подставке. Приземлившийся на письменном столе косой луч солнца. В фокусе – стопка книг. Легкий, без солнца незаметный налет пыли. На учебнике по истории – божья коровка» [21. С. 39].

И так же, как у Набокова, ключевые образы-воспоминания Водолазкина тяготеют к многослойности, сопряжению визуальных, аудиальных, вкусовых, тактильных ощущений. Хотя последние и не сливаются в мощный синестетический аккорд, где ведущую роль – «призмы, смещающей» привычные грани восприятия,

но в то же время *проясняющей и усиливающей* осязательные или слуховые ощущения человека», – чаще всего играет зрительный образ [22. С. 17]. Например, в «Машеньке»: «Она <...> дремала чутким, старушечьим сном, сквозь который огромными шкапами, полными дрожащей посуды, проходил грохот поездов» [23. Т. 1. С. 102]; «еще сильнее казался развесистый, многолиственный, шелестящий шум дождя» [23. Т. 1. С. 82] и т.п.

У Водолазкина же любое ощущение, всплывшее в памяти Платонова, драгоценно и самоценно. Хотя в воспоминаниях Платонова о поездке в 1916 году на велосипеде, воскрешающих в памяти читателя страницы «Машеньки»⁴, автор «Авиатора» явно делает реверанс в сторону Набокова. Здесь тоже доминирует визуальный образ, а звуковые ощущения лишь дополняют и усиливают его. «*Велосипед на грунтовой дороге после дождя. Он едет с тихим шипением. Колёса поднимают дорожную влагу и бросают ее на крылья велосипеда. С них она стекает на землю крупными грязными каплями. Иногда колёса въезжают в широкие лужи. Звук рассекаемой воды. Две волны расходятся от центра лужи к ее краям*» [21. С. 163].

Подобная многослойность образов-воспоминаний проявляет еще одну функцию памяти, сближающую «Авиатора» Водолазкина с текстами Набокова – «Другими берегами», «Машенькой» и особенно «Возвращением Чорба». Она призвана *собрать драгоценные мгновения воедино и воссоздать (воскресить) мир во всей его полноте и целостности*, а вместе с ним – и *утраченное единство человеческого «Я»*⁵.

Глубинный смысл мотива собирания раскрывается в романе благодаря парному с ним мотиву утраты или потери: «Пытаюсь воссоздать тот мир, который *ушел навсегда*, а получаются только жалкие *осколки*» [21. С. 88]; «А вообще, *жизнь разваливается на части*, хоть я и пытаюсь связать их воедино. *Разваливается и прекращается*» [21. С. 170]. Свидетельствуя о разрыве жизненно важных связей между явлениями и предметами, он несет в себе семантику *отсутствия жизни*, т.е. *становится знаком смерти*, в то время как *полнота и богатство – признаком жизни*: «... потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти. Которая *есть потеря всего*» [21. С. 138].

Однако, в отличие от набоковского Чорба, ценностью для героя Водолазкина обладают не только счастливые воспоминания – о родителях, детстве на даче в Сиверской, любви к Анастасии... Одним из ключевых в структуре романа и жизненной канве Платонова является эпизод гибели авиатора Фролова. А еще есть страшные воспоминания об аресте профессора Воронина, зверствах чекистов во время допросов, барже «Клара Цеткин», на которой арестантов везли на Соловки, о «подснежниках» – замерших эзках, которых находили только весной... И все это герой скрупулезно фиксирует в памяти и дневнике, чтобы осмыслить произошедшее за минувшие сто лет с ним самим и страной в целом.

Выше уже отмечалось, что ментальные процессы у Водолазкина неразрывно связаны с процессом визуализации: «понять» предполагает «прояснить»,

т.е. «увидеть предельно ясно и четко»⁶. Отдельного внимания заслуживают в этом плане оптические и одновременно эстетические инструменты, которые выбирает Водолазкин для достижения поставленной цели.

Напомним, набоковское ясновидение возникает в результате сдвига в привычном восприятии реальности, созерцания ее под определенным углом зрения. В «Авиаторе» аналогичной призмой на уровне сюжета становится само воскрешение героя, на уровне повествования – ментальная направленность взгляда, *обращенность назад*. «За спинами конвоя я увидел моих дорогих – оказалось, в последний раз. Я вижу их и сейчас с фотографической точностью. Знаю, что так же они увидели и меня обернувшегося. На всю жизнь сфотографировали – меня освещала вспышка их горя. После моей смерти две фотокарточки сольются в одну» [21. С. 54]. Вводя авторский «преломляющий угол», визуальная метафоры такого рода, как справедливо пишет О. Журавель, «выявляет наиболее отчетливо авторскую точку зрения, содержит перцептивную «подсказку» [24. С. 103]. Совсем как у Набокова, например, в лекции о М. Прусте: «Пруст – *призма*. Его или ее единственная задача – *преломлять и, преломляя, воссоздавать мир, какой видишь, обернувшись назад*» [20. С. 276].

Полноту и ясность видения в «Авиаторе» помимо прочего обеспечивает *совмещение двух точек зрения – авиатора и летописца*. Первая и основная ипостась героя-рассказчика заявлена уже в названии романа и эпиграфе. Вторая возникает в тексте значительно позже, сюжетно мотивирована чтением «Повести временных лет» Платоновым, но не менее значима⁷. Перефразируя слова героя, можно сказать, что Водолазкин «пытается приблизиться к прошлому *разными путями*, чтобы понять, что оно такое. Что-то *отдельное от меня или проживаемое мной до сих пор?*» [21. С. 154]. Глубинный же смысл этой художественной конструкции раскрывается при сопоставлении названных точек зрения и их носителей.

И авиатора, и летописца отличает *широта обзора* и как следствие – *масштабность, даже монументальность*⁸ воспроизводимой картины жизни. Но если точка зрения авиатора, которому «сверху видно все», акцентирует ее *пространственную протяженность и целостность*, то точка зрения летописца – *хронологическую непрерывность*. Для летописца Платонова время едино. В нем нет отдельного прошлого или настоящего, есть лишь «передние» и «задние» события [25. С. 254–255]. Нет и «пустого времени», поэтому герой не только скрупулезно описывает свои воспоминания из детства, петербургской жизни до ареста или жизни в Соловецком лагере. Он стремится вернуть десятилетия, проведенные в заморозке, и заполняет хронологические «дыры» с помощью чтения и просмотра кинофильмов советского времени.

Аналогично топос романа вбирает в себя множество отдельных локусов – дача и вокзал в Сиверской, коммунальная квартира в Петербурге 1919 г., Соловецкий лагерь и остров Анзер, больница, квартира Плато-

нова и Насти в Петербурге нового времени, Александр-Невская лавра... И все это посредством ассоциаций героя связывается воедино, составляя сложное мозаичное полотно его жизни.

Наметившаяся разность позиций еще решительней проявляется в способе жизнеописания, что объясняется разностью типов сознания авиатора и летописца. Носитель эпического сознания, *летописец объективен и анонимен*, «мы» для него больше, чем «я». Так и Платонов, задумавший создать «большое полотно» русской жизни, постепенно вовлекает в процесс жизнеописания Гейгера и Настю. Причем голоса героев постепенно утрачивают персональную маркировку в тексте и начинают звучать практически одновременно, подхватывая и развивая одну и ту же тему. В результате романное повествование приобретает явное сходство с летописным сводом: «...создается цепь повествований, цепь сообщений и сведений, вытянутых в одну линию, передающих эстафету времени по одному прямому направлению» [25. С. 254]. Такое жизнеописание, имея четко выраженное начало, не может иметь конца, ибо нет конца у жизни. И действительно, жизнь Платонова, его умершей возлюбленной Анастасии, нынешней жены Насти (внучки Анастасии), получают свое продолжение в еще не родившейся дочери Анне.

При этом Водолазкин вовсе не ставит своей целью воссоздать летописное время. Его возможности он использует, творчески переосмысляя и адаптируя к собственному замыслу, в частности сопрягая точки зрения средневекового летописца и человека нового времени – авиатора.

Образ авиатора, глубоко укорененный в культуре начала XX столетия, является одним из ключевых символов модернистской литературы – произведений А. Блока, В. Брюсова, И. Северянина, Л. Андреева и др. [5]. И конечно, ровесник века, авиатор Платонов обладает ярко выраженным индивидуальным сознанием. Человеческое «Я» для него бесценно, гораздо важнее «мы», а потому голос и сознание Платонова явно доминируют в романе. Об этом можно судить и по способу воскрешения прошлого – через личные впечатления и ощущения, и по платоновской концепции истории: «Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо – это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа – это событие личной истории, для которой мировая – всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа – никогда» [21. С. 167].

Подобное совмещение различных точек зрения придает романному изображению стереоскопичность и позволяет Водолазкину воспроизвести жизнь во всей ее *полноте, богатстве и невероятной сложности*. Ведь каждый персонаж и событие показаны с нескольких сторон, и прежде всего с той, с которой яснее всего обозревается. Вместе с тем двойное освещение жизни открывает подлинный смысл отдельной человеческой экзистенции и бытия в целом – *незримое присутствие вечного, вневременного, повторяющегося в каждом миге*. Думается, по этой причине в дневнике Платонова

указаны только дни недели и нет конкретных дат: с точки зрения вечности они нивелируются в бесконечном потоке жизни. Эта особая, стоящая над частными событиями историческая правда, открывшаяся Платонову, помогает ему пережить все ужасы прошлого, включая встречу с палачом-чекистом Вороновым уже после разморозки.

А это значит, выбранные Водолазкиным «пути» к прошлому не столь уж различны. Тем более, основным способом сохранения прошлого авиатор и жизнеописатель Платонов считает слово. Так, тема памяти, воскрешения прошлого соединяется у Водолазкина с темой искусства, вновь отсылая к набоковскому подтексту. Ведь именно искусство способно безошибочно проявлять подлинную сущность бытия – закрытые, «невидимые» грани и свойства явлений. Поэтому в «Других берегах» Набоков заявляет, что тайный, «неповторимый водяной знак», оттиснутый на его жизни, различим только «на свет искусства» [23. Т. 4. С. 140].

Наиболее действенными в этом плане у Водолазкина оказываются визуальные виды искусств – фотография, кино и живопись. Подтверждая бесспорность запечатленного в кадре, «фотография актуализирует тему памяти и воскресения» [24. С. 100], а значит, соединяет в одной точке прошлое, настоящее и даже будущее, опровергая конечность человеческого существования: «Нет, – отвечает, прячась за треногой, отец, – это *взгляд в вечность*, потому что *фотопортрет включает твоё настоящее и прошлое, а может быть, и будущее*» [21. С. 95]. Вневременный смысл бытия акцентирует в романе и уподобление воспоминаний обратной киносъемке. Например, при описании траурной процессии в день похорон авиатора Фролова: «Я так жадно в нее всматриваюсь и так часто впоследствии прокручиваю это зрелище в памяти, что в моем сознании оно остается *многократным*. Будто в обратной съемке, процессия спешно возвращается к началу Невского и вновь начинает свое величавое движение вперед» [21. С. 140].

У живописного кода в романе своя задача – он раскрывает глубинную сущность человека, как в случае с портретом Зарецкого. Доносчик, омерзительный тип, лишенный моральных качеств и как следствие – человеческого облика, в изображении Платонова неожиданно предстает фигурой трагической: «В изображенном нет и тени шаржа. Ни в лице сидящего, ни в том, как он подпирает голову, ни даже в бутылке и колбасе. Рисунок глубоко трагичен. <...> Фокус его взгляда где-то за пределами этой комнаты, может быть – за пределами видимого мира вообще». Портрет «освобождает Зарецкого. Избавляет от его страшной роли – быть мокрицей» [21. С. 169]. Иными словами, возвращает человеческого статус.

Так, с помощью искусства Водолазкин утверждает *непреходящую ценность человеческой жизни, уникальность человеческого «Я»*. Это заставляет особенно пристально вглядываться в стиливые решения писателя, которые, по словам Р. Барта, всегда обусловлены «жизнью его тела», т.е. «проявляют вонне органические свойства личности художника»

[26. С. 56]. Тем не менее в случае с Водолазкинским они тоже во многом оказываются набоковскими, точнее, воскрешают в памяти читателя основополагающие принципы набоковского конструирования текстов. Один из них – *принцип зеркальности*, основанный «на противопоставлении взаимоотражающихся миров» [27]. В романе «Авиатор» он реализуется в многоуровневой системе двойников, раскрывающей мысль автора о противоречивой сложности и неоднозначности человеческого «Я».

Во-первых, пары двойников образуют персонажи из прошлой и настоящей жизни Платонова. Прежде всего возлюбленные главного героя – Анастасия и Настя, реализующие в романе авторское понимание любви как родства душ. Героинь связывает не только общее имя, но и кровное родство (бабушка – внучка). При этом образ Насти как человека, живущего в 20 столетии, отличает прагматизм и подчеркнутая телесность.

К этой же группе двойников относятся врачи Муромцев и Гейгер, которые прежде всего играют сюжетную роль: первый заморозил Платонова, а второй его воскресил. Кроме того, Гейгер выступает двойником-антагонистом и по отношению к главному герою: как и Платонов, он принадлежит к типу художника (в переводе с немецкого *der Geiger* – «скрипач»), а потому тоже становится жизнеописателем. Вот только позиции у них разные: «Гейгер, по-моему, общественный человек. А я нет. Страна – не моя мера, и даже народ – не моя. Хотел сказать: человек – вот мера, но это звучит как *фраза*. Хотя...» [21. С. 34]. Однако к концу романа эта разница практически нивелируется, и Гейгер обретает платоновскую способность видеть и воссоздавать невидимое: «Если вас не затруднит, Гейгер, опишите орудия, стоящие на станции Сиверская. Они размещены на открытых подвижных платформах. *Осень 1914-го. Туман, переходящий в дождь*» [21. С. 158].

Во-вторых, зеркально соотносятся между собой персонажи из прошлого героя, его петербургской и соловецкой жизни: жертва – профессор Воронин и палач – чекист Воронин, парадоксальным образом объединенные одной фамилией: «Всегда удивлялся тому, что одно имя способно обозначать столь разные сущности. Получается, что Воронин может быть и таким, и таким. Как же он становится тем, кто он есть? Хороший вопрос» [21. С. 159]. Петербургский доносчик Зарецкий и соловецкий садист Панов: оба и палачи, и одновременно жертвы страшных обстоятельств, разрушивших их личность, убивших в них человека.

В-третьих, это сложная система двойников главного героя, среди которых можно выделить и реальных персонажей (Гейгер) и интертекстуальных двойников (А. Платонов, Лазарь, Робинзон, Раскольников, Авиатор), которые уже достаточно хорошо описаны исследователями [28].

Подводя итог всему сказанному выше, заметим следующее: Творческий диалог Е.Г. Водолазкина с набоковской традицией разворачивается на различных

уровнях текста, что позволяет говорить о целенаправленной творческой стратегии автора. Она реализуется посредством многочисленных аллюзий к различным текстам Набокова, «набоковских» тем, мотивов и даже стилизованных механизмов (принципы сдвига и послышного обнажения сокровенной сущности явления, принцип зеркальности), направленных на визуализацию воссоздаваемой картины мира и максимальное прояснение глубинного, вневременного смысла бытия.

Творческая стратегия Водолазкина не предполагает полемики с классиком и общепризнанными интерпретациями его текстов. Наоборот, набоковский подтекст целенаправленно используется как средство ментального воздействия на читателя, универсальный легко опознаваемый культурный «код», который позволяет Водолазкину выразить собственные представления о сущности бытия и творчества.

Примечания

- ¹ «Лет в 20 началось мое серьезное увлечение Набоковым. Он казался мне непревзойденным и рожденным не на земле»; «...я не люблю разговоров о том, что Набоков “ненастоящий”, что это-де феномен стиля. Да, феномен стиля, но такой, при котором форма становится содержанием. Цветы муранского стекла начинают благоухать» [9].
- ² Значимость литературоведческого контекста для интерпретации творчества Водолазкина подтверждают факты его биографии (в прошлом – учеба в аспирантуре Пушкинского Дома под руководством академика Д.С. Лихачёва; ныне – доктор филологических наук, сотрудник Пушкинского Дома, член редколлегии научных филологических журналов), а также интервью писателя, например: «Хлеб и пирожное русской литературы. Писатель Евгений Водолазкин о творческом противостоянии Бунина и Набокова. Рассуждая о сложных взаимоотношениях двух писателей, Водолазкин ссылается в нем на монографию М. Шраера “История соперничества”» [14].
- ³ Напомним, что монография В.Е. Александрова «Набоков и потусторонность» имеет подзаголовок «метафизика, этика, эстетика Владимира Набокова» [11].
- ⁴ «...и теперь, когда он случайно вдохнул карбид, все ему вспомнилось сразу: мокрая трава, хлещущая по движущейся икре, по спицам колес, круг молочного света, вливающий и растворяющий тьму, из которой возникали: то морщинистая лужа, то блестящий камешек, то навозом обитые доски моста, то, наконец, вертящаяся калитка, сквозь которую он протискивался, задевая плечом мягкую мокрую листву акаций» [23. Т. 1. С. 81].
- ⁵ О воскрешении личности через воспоминания см. подробнее: [12. С. 42–46].
- ⁶ Показательно, что основной предпосылкой октябрьского переворота 1917 г. герой романа считает «всеобщее помутнение», утрату четких нравственных ориентиров – «в людях накопилось много зла» [21. С. 37].
- ⁷ Первоначальный вариант названия романа – «Жизнеописатель».
- ⁸ В случае с летописцем, по Лихачеву, это обусловлено действием основополагающих для древнерусской литературы эстетических принципов – цельности и неполноты, избирательности. Как следствие, с одной стороны, «русские летописи стремятся представить на основе своих записей историю княжества, объединить историю княжеств в историю Русской земли в целом, а историю Русской земли связать с историей мировой путем особых хронографических введений, составленных на основе переводных византийских хроник» [25. С. 265]. С другой стороны, «летопись фиксирует лишь часть событий, создавая впечатление необъятности исторического движения. <...> Вырывая из общего потока многочисленных событий то тот, то иной факт и фиксируя его в своих записях, летопись создает впечатление неохватного обилия событий человеческой истории, ее непостижимости, ее величия и богонаправляемости» [25. С. 256–257].

Список источников

1. Юзефович Г.Л. «Авиатор» Евгения Водолазкина. И еще пять книг о человеке и времени. URL: <https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н., «Конвертировать бытие в слово»: Homo scribens в прозе Евгения Водолазкина // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 6. С. 105–108.
3. Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23, № 2 С. 188–197.
4. Солдаткина Я. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 309–318.
5. Имполи Г.Э. Роман Евгения Водолазкина Авиатор: воздушное обозрение русской литературы начала XX века // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 297–308.
6. Абашева М. Что значит быть знаковым писателем: Евгений Водолазкин в контексте русской прозы // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 37–48
7. Абашев В. «Проект грядущего восстановления мира...»: роман Евгения Водолазкина «Авиатор» в контексте художественной сотериологии русской литературы // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 319–331.
8. Трубецкова Е.Г. Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 104–108.
9. Волшебство называния. Писатель Водолазкин о вершинах и скитаниях Владимира Набокова. URL: <https://iz.ru/868078/evgenii-vodolazkin/volshebstvo-nazyvaniia> (дата обращения: 26.01.2022).
10. Евгений Водолазкин: «Когда-нибудь я перееду в провинцию». URL: <https://cityreporter.ru/evgenij-vodolazkin-kogda-nibud-ya-pereedu-v-provintsiyu/> (дата обращения: 26.01.2022)
11. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб.: Алтея, 1999. 312с.
12. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
13. Давыдов С. «Тексты-матрешки» В. Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004. 158 с.
14. Хлеб и пирожное русской литературы. Писатель Евгений Водолазкин о творческом противостоянии Бунина и Набокова. URL: <https://iz.ru/1076929/evgenii-vodolazkin/khleb-i-pirozhnoe-russkoi-literatury> (дата обращения: 26.01.2022).
15. Водолазкин Е. Я пишу для самого вдумчивого и глубокого читателя. Таких много. URL: <https://www.litres.ru/pages/cms/?page=10482> (дата обращения: 26.01.2022).
16. Евгений Водолазкин. Набоков, критика и резь в желудке. URL: <https://book24.ru/podcast/5253131/> (дата обращения: 26.01.2022).
17. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М., 1998. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritikanabokova/nikolaj-gogol/nash-gospodin-chichikov.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
18. Ермолин Е. Ключи Набокова: Пути новой прозы и проза новых путей // Континент. 2006. № 127. С. 432–443. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/127/ee20.html> (дата обращения: 26.01.2022).

19. Евгений Водолазкин: Человек в центре литературы. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 26.01.2022).
20. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе: Остен, Диккенс, Флобер, Джойс, Кафка, Пруст, Стивенсон. М. : Независимая газета, 1998. 512 с.
21. Водолазкин Е. Авиатор. М. : АСТ, 2015. 180 с.
22. Белоусова Е.Г. Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920–1930-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007. 38 с.
23. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990.
24. Журавель О. Визуальная поэтика Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 97–108.
25. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 360с.
26. Барт Р. Нулевая степень письма. М. : Академический проект, 2008. С. 51–114. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1328601612.pdf> (дата обращения: 26.01.2022).
27. Зайцева Ю. «Принцип зеркала» в художественной системе Набокова // Научно-культурологический журнал. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=666&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 26.01.2022).
28. Войводич Я. Начало и конец индивидуальной истории («Авиатор» Е. Водолазкина) // Новое литературное обозрение. 2019. № 159. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21562/ (дата обращения: 26.01.2022).

References

1. Yuzefovich, G.L. (2016) "Aviator" Evgeniya Vodolazkina. I eshche pyat' knig o cheloveke i vremeni [The Aviator by Eugene Vodolazkin. And five more books about person and time]. [Online] Available from: <https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina> (Accessed: 26.01.2022).
2. Kuchina, T.G. & Akhapkina, D.N. (2016) "Konvertirovat' bytie v slovo": Homo scribens v proze Evgeniya Vodolazkina ["To Convert Being into Word"]: Homo scribens in the prose of Eugene Vodolazkin]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22 (6). pp. 105–108.
3. Bochkina, M.V. & Golubkov, M.M. (2018) Ponyatiya "istoricheskogo" i "neistoricheskogo" v esteticheskoy i filosofskoy sisteme romana "Aviator" E. Vodolazkina [The concepts "historical" and "non-historical" in the aesthetic and philosophical system of the novel The Aviator by E. Vodolazkin]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 23 (2) pp. 188–197.
4. Soldatkina, Ya. (2019) Dialog s russkoy literaturoy KhKh veka v romanakh Evgeniya Vodolazkina "Lavr" i "Aviator" [Dialogue with Russian literature of the twentieth century in Eugene Vodolazkin's novels Laurus and The Aviator]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 309–318.
5. Imposti, G.E. (2019) Roman Evgeniya Vodolazkina Aviator: vozduzhnoe obozrenie russkoy literatury nachala XX veka [Eugene Vodolazkin's novel The Aviator: An aerial review of Russian literature of the early twentieth century]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 297–308.
6. Abasheva, M. (2019) Chto znachit byt' znakovym pisatelem: Evgeniy Vodolazkin v kontekste russkoy prozy [What means to be a landmark writer: Eugene Vodolazkin in the context of Russian prose]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 37–48
7. Abashev, V. (2019) "Proekt gryadushchego vosstanovleniya mira...": roman Evgeniya Vodolazkina "Aviator" v kontekste khudozhestvennoy soteriologii russkoy literatury ["Project for the Future Restoration of the World ...": Eugene Vodolazkin's novel The Aviator in the context of the literary soteriology of Russian literature]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 319–331.
8. Trubetskova, E.G. (2020) Bor'ba s amnezией: nabokovskie "znaki i simvol'y" v romane E. Vodolazkina "Aviator" [The fight against amnesia: Nabokov's "signs and symbols" in E. Vodolazkin's novel The Aviator]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 20 (1). pp. 104–108.
9. Iz.ru. (2019) *Volshebstvo nazyvaniya. Pisatel' Evgeniy Vodolazkin o verшинakh i skitaniyakh Vladimira Nabokova* [The magic of naming. Writer Eugene Vodolazkin about the peaks and wanderings of Vladimir Nabokov]. April 22, 2019. [Online] Available from: <https://iz.ru/868078/evgenii-vodolazkin/volshebstvo-nazyvaniya> (Accessed: 26.01.2022).
10. Vodolazkin, E. (2022) "Kogda-nibud' ya pereedu v provintsiyu" ["Someday I will move to the province."]. [Online] Available from: <https://cityreporter.ru/evgeniy-vodolazkin-kogda-nibud-ya-pereedu-v-provintsiyu/> (Accessed: 26.01.2022)
11. Aleksandrov, V.E. (1999) *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and otherworldliness: metaphysics, ethics, aesthetics]. Saint Petersburg: Altea.
12. Averin, B.V. (2003) *Dar Mnemoziny: romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition]. Saint Petersburg: Amfora.
13. Davydov, S. (2004) "Teksty-matreshki" V. Nabokova ["Matryoshka Texts" of V. Nabokov]. Saint Petersburg: Kirtsideli.
14. Iz.ru. (2020) *Khleb i pirozhnoe russkoy literatury. Pisatel' Evgeniy Vodolazkin o tvorchestvom protivostoyanii Bunina i Nabokova* [Bread and cake of Russian literature. Writer Eugene Vodolazkin about the creative confrontation between Bunin and Nabokov]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1076929/evgenii-vodolazkin/khleb-i-pirozhnoe-russkoi-literatury> (Accessed: 26.01.2022).
15. Vodolazkin, E. (2022) *Ya pishu dlya samogo vdumchivogo i glubokogo chitatelya. Takikh mnogo* [I write for the most thoughtful and deep reader. There are many of those]. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/pages/cms/?page=10482> (Accessed: 26.01.2022).
16. Vodolazkin, E. (2022) *Nabokov, kritika i rez' v zheludke* [Nabokov, criticism and pain in the stomach]. [Online] Available from: <https://book24.ru/podcast/5253131/> (Accessed: 26.01.2022).
17. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po russkoy literature: Chekhov, Dostoevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgeney* [Lectures on Russian literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgeney]. [Online] Available from: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritikanabokova/nikolaj-gogol/nash-gospodin-chichikov.htm> (Accessed: 26.01.2022).
18. Ermolin, E. (2006) *Klyuchi Nabokova: Puti novoy prozy i proza novykh putey* [Keys of Nabokov: Ways of new prose and prose of new ways]. *Kontinent*. 127. pp. 432–443. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/127/ee20.html> (Accessed: 26.01.2022).
19. Pravmir.ru. (2014) *Evgeniy Vodolazkin: Chelovek v tsentre literatury* [Eugene Vodolazkin: Man at the Center of Literature]. [Online] Available from: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (Accessed: 26.01.2022).
20. Nabokov, V. (1998) *Lektsii po zarubezhnoy literature: Osten, Dikens, Flober, Dzhoys, Kafka, Prust, Stivenсон* [Lectures on Foreign Literature: Austen, Dickens, Flaubert, Joyce, Kafka, Proust, Stevenson]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
21. Vodolazkin, E. (2015) *Aviator* [The Aviator]. Moscow: AST.
22. Belousova, E.G. (2007) *Stilevaya intensifikatsiya v russkoy proze rubezha 1920–1930-kh gg.* [Stylistic intensification in Russian prose at the turn of the 1930s]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
23. Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Moscow: Pravda.

24. Zhuravel', O. (2019) Vizual'naya poetika Evgeniya Vodolazkina [Visual poetics of Eugene Vodolazkin]. In: In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 97–108.
25. Likhachev, D.S. (1979) *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of ancient Russian literature]. Moscow: Nauka.
26. Barthes, R. (2008) *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing Degree Zero]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt. pp. 51–114. [Online] Available from: <http://library.khpg.org/files/docs/1328601612.pdf> (Accessed: 26.01.2022).
27. Zaytseva, Yu. (2022) "Printsip zerkala" v khudozhestvennoy sisteme Nabokova ["The principle of the mirror" in the creative system of Nabokov]. *Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=666&level1=main&level2=articles> (Accessed: 26.01.2022).
28. Voyvodich, Ya. (2019) Nachalo i konets individual'noy istorii ("Aviator" E. Vodolazkina) [Beginning and end of individual history (The Aviator by E. Vodolazkin)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 159. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21562/ (Accessed: 26.01.2022).

Информация об авторе:

Белуосова Е.Г. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Челябинского государственного университета (г. Челябинск, Россия). E-mail: belouelena@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Belousova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: belouelena@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2022;
одобрена после рецензирования 13.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.*

*The article was submitted 12.02.2022;
approved after reviewing 13.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.*